

На рассвете Вэнь Ецай сидел на скамеечке, зевая во весь рот, а позади него Юй Шанчжи спокойно расчёсывал его волосы.

В доме имелось всего одно бронзовое зеркало, и его он уступил сестре: Вэнь-эрню с каждым годом становилась всё более тщеславной. Сам же он не имел привычки любоваться на своё отражение, да и причёсывался редко. Если уж приходилось, то за дело брался муж.

Сегодня предстояло идти в поле, а повязывать платок на голову Вэнь Ецай терпеть не мог, так же как и заплетать косу. В конце концов, он решил уложить волосы в мужской узел, но сколько он сам ни возился, всё равно несколько прядей торчали в стороны. Юй Шанчжи не выдержал, взял расчёску в свои руки и заново уложил всё аккуратно и гладко.

Результат вышел достойный: он полюбовался немного, затем взял ленту Вэнь Ецай, обвил ею узел и завязал. Вэнь Ецай раньше так ленту не использовал, поэтому с любопытством потряс головой, прислушиваясь к мелодичному звону серебряных подвесок.

Как и следовало ожидать, гер уже не мог усидеть. Он сорвался и побежал в комнату Эрню, требовать у неё зеркало. Юй Шанчжи с улыбкой проводил его взглядом, сам поправил одежду и пошёл следом.

Сегодня предстояло работать в поле, потому вся семья поднялась затемно. В ворота двора вошла Кон Майя с корзиной трав за спиной. Она первым делом наклонилась и по очереди потрепала по голове Давана и Эрвана.

— Шифу, шиму, — поздоровалась она и, поставив корзину, тут же закатала рукава, готовая взяться за дело.

— Зачем так рано? — укорил её Юй Шанчжи. — Мы ведь велели тебе поспать подольше и прийти позже.

Этой осенью он и Вэнь Ецай заранее договорились: Кон Майя не должна уставать на полевых работах. Сначала девочка упиралась, но когда Юй Шанчжи поручил ей важное дело - готовить дома обед и приносить его в поле, она наконец согласилась.

Юй Шанчжи не раз уже дивился: у этой девчонки характер что надо, упрямая до последнего.

— Я ведь и так привыкла вставать рано, — засмеялась Кон Майя. — Всё равно бы не уснула. Вот отец поел, и я сразу вышла.

Она заглянула в восточную комнату: там Вэнь Ецай как раз возился с Эрню, заплетая ей косичку. Причина была проста: насмотревшись на причёску старшего брата, Эрню тоже потребовала что-то необычное, с лентой вокруг. Теперь Вэнь Ецай, сосредоточенно наматывая тесёмку, придумывал, как бы это лучше сделать.

— Майя, ты не беспокойся, кур и уток я сама покормлю! — окликнула её через несколько шагов Эрню.

Та в ответ лишь улыбнулась:

— Мне-то что, это недолго. Ты сегодня в поле пойдёшь, побереги силы для настоящего дела.

В её понимании отказ от работы на жатве уже был большой поблажкой. А если она ещё и по хозяйству не поможет, то какой же из неё тогда ученик?

Когда Вэнь-эрню вышла во двор с новенькой косичкой, Кон Майя уже успела рассыпать корм курам и приготовить еду для свиней. Домашних поросят требовалось кормить трижды в день, да и аппетит у них был немалый. С их появлением хлопот в хозяйстве заметно прибавилось.

— Майя, ты завтракала? — позвал её Вэнь Ецай. — Иди к нам, перекуси ещё вместе.

Юй Шанчжи как раз помогал супругу расставлять еду на стол.

Но Кон Майя лишь покачала головой:

— Я уже поела, шиму. Вы садитесь сами. А я пойду уток к пруду выведу. Вам о доме думать нечего, всё улажу, а вы сразу идите в поле.

Из комнаты вышел Вэнь-санья, только что натянувший одежду. Увидев Майю, он протёр глаза и улыбнулся:

— Сегодня сестра Майя будет со мной дома?

Она погладила его по голове чистыми руками и мягко ответила:

— Угу, я буду с тобой. А в полдень мы с тобой вместе отнесём обед в поле, ладно?

Вэнь-санья яростно закивал, соглашаясь. В этот момент мимо проходила Эрню и, не удержавшись, ущипнула брата за щёку.

После завтрака супруги с Эрню запрягли вола и отправились в поле. С братьями Фу они договорились встретиться прямо на месте и начать с тех трёх му земли, что прибавились в этом году. Из них рисом была засеяна всего одна му, и убрать её было делом недолгим, зато с плеч спадала забота.

В этом рисовом поле не было выкопано канав для мальков рисовой рыбы, так что и сажать их

не стали. Ещё за два дня до жатвы Вэнь Ецай слил воду, так что теперь ничего не мешало уборке.

Юй Шанчжи вёл повозку, а Вэнь Ецай и Эрню сидели сверху. По дороге они повстречали Ху Дашу с Бай Пином, и те, смеясь, поддели: мол, совсем уж ленивые, до поля рукой подать, а они ещё и на телеге едут.

— Мы ж всё равно почти по одной дороге идём, — Вэнь Ецай со смехом махнул рукой. — Садись с нами.

Бай Пин засмеялся и отшатнулся:

— Да куда там садиться, ещё два шага и на месте.

Вскоре показались и их поля. Братья Фу, один выше, другой пониже, сидели на корточках возле межи, рядом лежали серпы. Увидев повозку, они вскочили и торопливо отряхнули свои латанные-перелатанные одежды.

— Юй-ланчжун, Цай-гер, — поздоровались они и тут же перевели взгляд на Эрню. — А это, значит, сестра Цай-гера?

Вэнь Ецай кивнул:

— Верно, моя сестра Эрню. Она младше Юэ-гера. — и, повернувшись к девочке, добавил: — Так что зови их братьями.

Эрню не стеснялась и звонко выкрикнула «братья».

Вола привязали под деревом. В этот момент подошла семья Цао Цюшуй, и сам Цюшуй, приблизившись, кивнул в сторону, словно указывая на кого-то ещё.

Он привязал повозку, запряжённую волами, под деревом и встретился с семьёй Цао Цюшуй.

— Слышал, Цай Байцао с мужем ещё на рассвете в поле вышли, — вполголоса сказал Цао Цюшуй. — Наверное, хотят пока все не пришли управиться побыстрее.

Вэнь Ецай посмотрел в ту сторону: вдали действительно мелькали фигуры Хань Каньцзы и Цай Байцао, рядом с ними работал и Хань Люцзы. Юй Шанчжи последнее время регулярно навещал семью Хань, чтобы проверять состояние Ду Го. Встречал там Цай Байцао не раз, но они не обменивались и словом. Ребёнка у Ду Го удалось сохранить, но какой ценой! Всё выглядело так, словно тело матери истощало себя ради плода. Никаких признаков обычной беременной пышности в нём не осталось, только худоба и хрупкость.

Юй Шанчжи составил для него особое меню: питаться строго по списку, чтобы и силы не уходили целиком на ребёнка (иначе плод разовьётся чрезмерно, и роды станут невозможными), и чтобы в день родов у самого Ду Го хватило сил. В противном случае исход мог быть трагическим.

Тяжесть жатвы не оставляла никому лишнего времени на пустые разговоры. День выдался пасмурный, такой и выбирали специально: старые земледельцы по облакам уверяли, что сегодня жара не припечёт, а уж завтра непременно будет ясное солнце, значит, собранный рис удастся хорошенько просушить.

Впятером они вышли в поле. Братья Фу работали за плату и потому рвались показать себя: сил не жалели, будто выкладывались за двоих. Особенно усердствовал Фу Юэ, горячо стремясь доказать, что ничем не хуже старшего брата, и его серп свистел так, что колосья падали один за другим. Всего за одно утро они почти полностью убрали му риса.

К полудню Кон Майя явилась вовремя с коробом для еды, а за ней бежал Вэнь-санья, ведя на привязи Давана; дома остался караулить Эрван.

— Старший брат! Брат Юй! Сестра! — Санья со всех ног кинулся к ним и, подбежав, уже не знал, к кому первому броситься в объятия.

— Не беги так, упадёшь ещё, — остановил его Юй Шанчжи, хоть и сам был весь в пыли, но всё же вытянул руку, чтобы подхватить Санья.

Он позвал Фу Мина и Фу Юэ выйти из межи, и как раз подошло время обеда. Кон Майя открыла короб для еды, и в тот же миг по воздуху разлился густой, тёплый аромат. Братья Фу невольно сглотнули слюну.

Раскладывая чашки и палочки, Кон Майя пояснила:

— Я приготовила бамбуковую крысу, что поймал шиму, и ещё два блюда - тушёные баклажаны и фасоль.

В деревне летом выбор был небогатый, всё одно и то же вертелось на столах, и никто этим не тяготился. Тем более что блюда у семьи Вэнь сразу выделялись: братья Фу заметили, как щедро использовано масло и соус, каждый кусочек овоща блестел аппетитной корочкой.

Санья тем временем поставил на землю бамбуковую корзину и снял полотняную крышку. Сверху лежали большие белые паровые булочки, а внизу стопкой уложены лепёшки. Это было по настоянию Юй Шанчжи: он знал, что братья Фу едоки отменные, и велел: пусть блюд будет немного, но вот сытного хлеба на всех должно хватить.

Два мясных и одно овощное блюдо поставили посередине, но, опасаясь, что братья Фу

постесняются тянуться за угощением, Юй Шанчжи ещё до того, как все взялись за палочки, отмерил двумя большими чашками и переложил им половину. В их семье, кроме Вэнь Ецяя, даже если сложить аппетиты самого Юй Шанчжи и Вэнь-эрню, всё равно не наберётся на одного Фу Мина.

— Не стесняйтесь, — сказал он, — наедайтесь, только сытым можно хорошо работать.

Фу Мин и Фу Юэ никогда ещё не пробовали такой вкусной еды. У них дома была крайняя бедность: и на лепёшки из смешанной муки не всегда хватает, чаще всего приходится в охапку диких трав подмешивать горсточку муки да печь из этого овощные «пирожки». Поэтому, получив отдельную долю, оба нажились и ели, не поднимая головы.

А у семьи Вэнь всё было спокойнее: Кон Майя и Вэнь-санья поели ещё дома, так что теперь просто сидели рядом и болтали. Даван обежал кругом, всё проверил, а потом улёгся в таком месте, откуда можно было держать всё поле в поле зрения. Он был не такой, как бесхитростный Эрван, никогда не крутился вокруг хозяев в поисках подачи. Да и дома его никогда голодом не морили.

Когда все уже почти наелись, Вэнь Ецай заметил, что у братьев Фу осталось немного еды. Фу Мин с Фу Юэ переглянулись, словно хотели что-то сказать, но не решались. Наконец Фу Мин подвинулся ближе и осторожно произнёс:

— Юй-ланчжун, Цай-гер, можно ли нам забрать вот эти остатки?

Он достал недоедённую булочку, очевидно приберегал её, и смущённо добавил:

— Я думал, положу в неё пару кусочков овощей, отнесу Цюэ-геру, пусть попробует.

Юй Шанчжи взглянул на его встревоженное лицо и мягко улыбнулся:

— Что ж тут такого? Это ведь ваша доля, конечно можно.

А потом с лёгкой усмешкой добавил:

— Я с первого раза понял, ты из тех, кто фулана бережёт.

Фу Юэ тут же подхватил:

— Мой старший брат к невестке очень хорошо относится. Всё твердит, что невестка, выйдя замуж в нашу семью, только и знает горькую жизнь.

Фу Мин повернулся и щёлкнул его по лбу:

— Не болтай лишнего при посторонних.

Но эти слова невольно сделали обстановку теплее, и, заговорив о своём фулане, Фу Мин перестал быть таким немногословным.

— Цюэ-гер хороший, — сказал он с какой-то бережной гордостью. — Родня сперва не хотела отдавать его за меня: мол, я беден, выкуп мал, не понравился им. А Цюэ-гер сам сказал, что я ему приглянулся.

При этих словах он машинально коснулся груди, там за пазухой лежала булочка с овощами, припрятанная для Цюэ-гера.

Закончив, он тяжело вздохнул:

— А я, как старший брат, всё же без особых способностей. Только и надеюсь, что через пару лет станет полегче, чтобы и Юэ-гер, и Цюэ-гер жили сытнее, без таких нужд. Вот беда только, у Юэ-гера уже скоро возраст подходит, а хорошую семью не подберёшь.

Фу Юэ, похоже, не любил такие речи и пробормотал себе под нос:

— Гер тоже может семью кормить, необязательно замуж уходить.

Слова эти почти никто не расслышал, только стоявший рядом Вэнь Ецай уловил их и невольно начал смотреть на этого гера из семьи Фу совсем по-другому.

Пообедав и перекинувшись парой слов, Фу Мин с Фу Юэ уж было поспешили обратно в поле, но их остановил Юй Шанчжи:

— Сразу после еды работать плохо для желудка, болью схватит. Ничего ведь не изменится, если начнёте чуть позже. Отдохните сперва.

Братья переглянулись, но всё же послушались и вернулись на место. Однако спустя недолгое время снова поднялись:

— Мы с братом совсем без дела сидеть не можем. Давайте лучше урожай, что с утра собрали, сложим на телегу да отвезём на ток.

Мысль была разумная, и Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем не стали их удерживать.

Когда братья ушли, за ними потянулась и Кон Мая, уводя за руку Вэнь-санъя. Тому надо было поспать после обеда, да и дома оставалось ещё немало дел, в которых без помощи Кон Мая не обойтись. А Даван обежал вокруг своих трёх хозяев, слегка задевая их ноги, и только после этого отправился восвояси. Если приглядеться, на подоле одежды можно было заметить несколько тонких чёрных собачьих волосков.

Трое членов семьи Вэнь, привычная к такому, лишь отряхнула подола, и вскоре братья Фу, сделав несколько ходок с урожаем, вернулись. Каждый вновь взял в руки серп, и настала пора продолжать дневную работу.

В первый день жатвы с трёх му уже успели обмолотить почти две. На рисовом поле остались только голые стебли. Прежде их выдёргивали и выбрасывали, но в этом году после жатвы собирались запустить мальков рисовой рыбы. Юй Шанчжи сказал, что стебли можно оставить: и воду удобряют, и почву подпитают.

Иное дело сухие поля. Там от бобов остались жёсткие, колючие стебли: идёшь в матерчатых башмаках, а они будто иглами в ноги впиваются. Но выбросить такое добро нельзя, всё нужно собрать вязанками, чтобы потом кормить скотину.

Вернувшись с поля, каждый из них едва не валился с ног от жажды. Наполнив из кувшина бамбуковые тубусы, они долго и жадно пили.

С помощью братьев Фу и бобы за этот день удалось свезти на ток, где их уже связывали в тугие снопы и ставили в аккуратные кучи. Попрошавшись и условившись встретиться завтра в тот же час, братья Фу ушли с серпами в руках, им надо было ещё поработать на своём поле. Хоть земли у них и мало, да и урожай скудный, но один лишь Хуан Цюэ, будучи гером, за день и половины не управится.

Обратная дорога всем далась нелегко: усталость навалилась такая, что даже Вэнь-эрню притихла и молчала. У Вэнь Едая в животе урчало, он только и думал, чтобы вечером поесть от души. Но стоило вернуться домой, навстречу вышла Кон Майя и сказала Юй Шанчжи, что сегодня к ним приходили за лечением: у одного из мужчин из семьи Фу во время жатвы рассекло руку серпом, с ним пришёл Фу-лаосы.

— Они только придя и спохватились, что шифу тоже в поле, — объясняла Кон Майя. — А у того брата кровь уж сильно шла, вот я и спросила, доверят ли мне обработать рану.

Семья Фу не знали, что и делать: порез-то большой, ждать возвращения Юй Шанчжи было нельзя. Они рассуждали так: раньше, когда в деревне вовсе не было врачей, приходилось прикладывать к ранам какие-нибудь травы и полагаться на волю неба, никто ведь не помирал от излишней «нежности». Вот и Кон Майю решили принять как «лекарство для дохлой лошади»* и доверить ей, глядишь, поможет.

(ПП: идиома, означает последнее средство, когда уже нет других вариантов)

— Я всё сделала так, как учил шифу, перевязала его, должно быть... ничего плохого не вышло,
— неуверенно сказала она.

Юй Шанчжи сам раны не видел, потому судить не мог, но ученице верил:

— Судя по твоим словам, порез неглубокий. Если ты не ошиблась в порядке действий, беды не будет. Завтра, если встречу кого-то из их семьи, расспрошу.

Кон Майя немного успокоилась и добавила:

— Я взяла с них пятнадцать вэнь. Пять за лекарство, остальное за приём.

Юй Шанчжи похвалил её, и девочка зарделась от радости.

Пужинав, Кон Майя отправилась домой, а четверо членов семьи Вэнь, вытерев рот, собрались расходиться по своим комнатам.

Когда Вэнь-эрню поднялась из-за стола, взгляд Вэнь Ецай скользнул по её рукаву, и он нахмурился:

— Эрню, у тебя рукав, что ли, порвался?

Вэнь-санъя наклонился поближе и подтвердил:

— Сестра, смотри, у тебя на рукаве дыра.

Девочка вскинула руку и точно, скорее всего нечаянно задела серпом. Она нахмурилась с досадой. Пусть на поле она и ходила в старой одежде, но и старье в доме было на вес золота. На этой рубашке, например, лишь в невидимых местах стояло две небольших заплатки.

Вэнь Ецай, собирая со стола пустые чашки, сказал:

— Снимай, я тебе зашью.

Но Эрню тут же прикрыла рукав ладонью:

— Не надо, я сама.

— Что, — прищурился брат, — думаешь, у твоего брата руки к иголке не приспособлены?

Эрню только глазами сверкнула и, решив увести беду в сторону, выпалила:

— Старший брат, глянь лучше на одежду брата Юй, у него тоже дыра!

И, схватив пригоршню палочек с двумя тарелками, юркнула прочь, будто боялась, что брат на её ещё целом рукаве своими грубыми швами выведет целую многоножку.

Юй Шанчжи сперва подумал, что Эрню говорит наобум, но, присмотревшись, и впрямь заметил на своей одежде неизвестно когда появившуюся прореху.

Ночью зажгли лампу. Вэнь Ецай, склонившись над столом, продевал нитку в иглу; тусклый свет свечи ложился на его брови и глаза мягким ореолом. Рядом, пользуясь тем же светом, Юй Шанчжи держал ступку и молот порошок для лекарств. Дневной случай с женщиной из семьи Фу, рассёкшим руку серпом, напомнил ему о важном. Чтобы работа шла быстрее, каждый держал серпы наточенными до блеска, иной раз прямо в поле, принося с собой точильный камень. Чуть притупится, и уже затачивают. Такой серп не разрежет волос на лету, но поранить им всё же проще простого. Поэтому он решил сегодня, пока ещё не спят, приготовить побольше порошка для ран.

Под столом же стояли два таза с горячей водой и травяными сборами. Руки заняты, а ноги в это время успевали отмокать. И работа сделана, и время не потеряно.

Мелкий помол не требовал, чтобы он всё время следил за ступкой, и взгляд сам собой то и дело останавливался на Вэнь Ецае. Он вспомнил, как долго жил, будучи слепым, рядом с этим человеком, и как, прозрев, целыми днями не мог насмотреться на супруга. Потом это чувство притупилось, но совсем не ушло. Например, как сейчас: он всё ещё с удовольствием задерживал взгляд на Вэнь Ецае, ведь в каждом его движении, в каждой черте было что-то, что отзывалось в самом сердце.

Вэнь Ецай уловил его пристальный взгляд, поджал нитку и с улыбкой спросил:

— Что это ты подглядываешь?

— Никакого подглядывания, — спокойно ответил Юй Шанчжи, — смотрю открыто.

Губы его чуть тронула улыбка, а взгляд следил, как супруг аккуратно стежок за стежком подбирает ткань ниткой, почти совпадающей по цвету. В комнате слышалось только шуршание ступки с лекарством да лёгкий звук иглы, скользящей в ткани. Спустя какое-то время Вэнь Ецай наконец отложил иглу и с довольным видом объявил, что дело сделано.

Дырочка была слишком мала, чтобы накладывать заплату. Умелые руки сумели бы зашить её так, что и следа не осталось бы, но уровень Вэнь Ецай явно не дотягивал до этого.

Юй Шанчжи, твёрдо придерживаясь принципа «не указывать мастеру, если сам в этом не сведущ», взял вещь, осмотрел и сказал:

— Вполне хорошо.

Но Вэнь Ецай не забыл насмешку Эрню и вспомнил ещё кошелек, который когда-то сшил для Юй Шанчжи сам. Столько времени прошло, а тот всё ещё им пользовался.

— Я тут понял, — сказал он со смешком, — моё рукоделие и твою стряпню можно описать одним словом - безнадёжно.

Он убрал иголку с ниткой в корзинку, кашлянул дважды и буркнул:

— Хорошо ещё, что это рабочая одежда... потерпи, поноси так.

Юй Шанчжи не удержался и засмеялся. За это Вэнь Ецай легонько ткнул его локтем.

Когда все дела были сделаны, Юй Шанчжи аккуратно пересыпал порошок в фарфоровый флакон, вылил воду из тазов и задул свечу. Стоило лечь в постель, как всё тело будто распласталось, каждая кость и мышца расслабилась.

Вэнь Ецай нащупал у изголовья маленький молоточек, сделанный самим Юй Шанчжи: деревянная ручка, а сверху мягкий набивной набалдашник, таким удобно отбивать плечи и ноги. Он повернул мужа на живот, слегка простучал ему спину и бёдра, потом и себе прошёлся по ногам.

Вдруг вспомнилось сказанное днём Фу Юэ: «Геры тоже могут семью кормить, необязательно замуж уходить».

— Я тогда даже опешил, — проговорил Вэнь Ецай, — и не ожидал, что в деревне есть вот такой гер с характером.

До того, как Юй Шанчжи вошёл в их семью, он сам немало посмотрел на косые взгляды. Знал, каким должен быть «правильный» гер, но никогда не хотел им становиться. И вот теперь, познакомившись ближе с Фу Юэ, вдруг понял: они во многом думают одинаково. От этого становилось удивительно приятно и даже немного отраднo.

Юй Шанчжи перевернулся лицом к супругу, взял у него из рук маленький молоточек и принялся отбивать ему ноги. В отличие от Вэнь Ецай, который только хаотично стучал, он мягкой набивной головкой попадал прямо в нужные точки. Больно было с приятной ноющей остротой, но тело тут же расслаблялось.

— Редко встретишь, чтобы гер мыслил так, как Фу Юэ, — сказал он. — Ты в семье старший, тебе положено держать дом на плечах. А у него есть брат Фу Мин. Большинство геров или сестёр всю жизнь прячутся под крылом родителей и старших, а потом по течению выходят замуж.

Вэнь Ецай кивнул, соглашаясь, и лишь спустя некоторое время произнёс:

— А ведь есть у меня одна мысль, которую я тебе ещё не говорил.

— Какая же? — спросил Юй Шанчжи, не останавливая ритмичных ударов.

Вэнь Ецай почесал щёку и немного смущённо признался:

— Вот ты взял Майю в ученицы, она бежит за тобой и зовёт «шифу». Я гляжу и ревную... Только не смейся!

Он поспешно посмотрел на мужа, словно хотел ладонью прижать к его лицу угрожающе дрогнувший уголок губ.

— Так вот, я думал: твои знания не должны пропасть, ты их передашь дальше. Но и моё умение охотиться не хуже. Не стоит ли мне тоже найти преемника?

Охота - древнее ремесло, и вправду стоит того, чтобы его передавали дальше.

Юй Шанчжи уловил скрытый смысл и прищурился:

— Ты присматриваешься к Юэ-геру?

Вэнь Ецай поразмыслил и сам усмехнулся: дело ведь пока и не начиналось. У него с Юй Шанчжи было сходство, когда только берёшься за ученика, чаще всего это пыл одного лишь наставника.

— Да что там, виделись-то всего несколько раз. Об этом потом поговорим.

Юй Шанчжи кивнул, ещё пару раз легко стукнул молоточком и отложил его на подушку. Затем обнял супруга, прижав к себе. Похолодало, теперь они снова могли спать тесно, прижавшись друг к другу, не боясь жары.

— Я думаю, мысль у тебя правильная. Если Юэ-гер не подойдёт, найдётся кто-то другой. Ведь это же искусство твоего отца, жаль будет, если оно пропадёт.

Вэнь Ецай кивнул. Картина будущего возникла в воображении, и на сердце от неё стало теплее, даже приятно щемило.

— Тогда надо поспешить, — серьёзно сказал Вэнь Ецай. — Пока я не забеременел, всё можно устроить. А как живот вырастет, в горы не заберусь, потом и вовсе малыш появится, придётся всё время крутиться возле него.

С этой оговоркой мысль о выборе ученика вдруг зазвучала куда насущнее и острее.

Юй Шанчжи глядел, как супруг всё больше увлекается собственными словами, и понял: если так пойдёт дальше, завтра вряд ли удастся подняться рано. Он наклонился и через пару мгновений его губы коснулись губ Вэнь Ецай. Тот автоматически закрыл глаза. Поцелуй вышел сдержанным, но затянулся; отстранившись, оба переводили дыхание.

— Спать будем? — тихо спросил Юй Шанчжи.

В ответ из-под одеяла донёлся приглушённый голос Вэнь Ецай. Он прекрасно понимал: если начнёт заигрывать дальше, внакладе останется только он сам.

Юй Шанчжи тоже оказался не в выигрыше, страсть вымотала обоих, и только спустя долгое время, успокоившись, он обнял супруга. Лбы соприкоснулись, дыхание стало ровным, и они уснули.

А в следующие четыре дня семья Вэнь закончила жатву всех девяти му земли.

Хорошая земля от семьи Цянь и впрямь оправдала ожидания - с каждого му собрали больше двух даней зерна, снопы стояли острыми вершинами, словно горки. После многократного молотбы и просушки урожай наконец сложили в закрома. Жёлтые, налитые бобы и золотистая кукуруза сияли так, будто озаряли всё вокруг.

Вэнь-эрню и Вэнь-санья с визгом бросились в закрома, сунули руки в кучи зерна и стали играть, зачерпывая его ладошками. Юй Шанчжи тоже наугад набрал пригоршню и почувствовал надёжную тяжесть в руке.

А Вэнь Ецай, сияя от радости, прикидывал вслух:

— В этом году у нас примерно четырнадцать даней зерна. Если уплатить налог, останется около десяти. Денег в доме хватает, продавать не станем. К тому же часть бобов нужно смолоть в бобовую муку.

Обычным крестьянам приходилось сбывать урожай, чтобы получить деньги, ведь хлебом всего не оплатишь. Но теперь, когда Юй Шанчжи постоянно и понемногу зарабатывал лечением, а сам Вэнь Ецай, как и прежде, то и дело приносил из леса добычу, этой нужды больше не было.

Теперь у самой Вэнь-эрню тоже был доход: продавая яйца, она могла за месяц выручить несколько десятков вэней. Она похлопала по своему маленькому кошельку, прижалась к Юй Шанчжи и Вэнь Ецаю и с притворной жалобой сказала:

— Брат Юй, старший брат, в этом году у нас урожай богатый. Может, на Праздник середины осени купим не два, а четыре лунных пирога? Я хочу с красной фасолью, а не с этими вашими пятью орехами!

На самом деле и юэбины с пастой из красной фасоли, и с орехами были недешёвы: первые из-за сахара, вторые из-за дорогих орехов. Но так как на праздник всегда нужно было приносить угощение предкам, а покойные Вэнь Юнфу и Цяо Мэй любили именно с пятью орехами, то в прежние годы Вэнь Ецай тратил последние деньги на два таких лунных пирога, ставил их на подношение, а потом они втроём делили.

Теперь же просьба сестрёнки сводилась к тому, можно ли в этом году позволить себе чуть больше.

Юй Шанчжи мягко подхватил её слова:

— В этом году можно купить всё, что захочется.

Затем он обернулся к Вэнь Ецаю, явно ища его согласия:

— Думаю вот что: раз Санья поправился, уже не страшна дорога, то, может, в этот раз съездим на осеннюю ярмарку в уездный город? Как ты на это смотришь?

<http://bllate.org/book/13600/1205978>